

НА ЭТОТ РАЗ ОБМАНЕМ МЫ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

На этот раз обманем мы

«Автор»

2026

Сунгурский А.

На этот раз обманом мы / А. Сунгурский — «Автор», 2026

После двадцати семи лет брака Инна и Вадим развелись. Осталось разделить вещи — и вернуть шесть миллионов четыреста тысяч, которые они слишком доверчиво отдали в чужой проект. Деньги от продажи квартиры застряли, а один из организаторов того проекта уже присматривает гостиницу у реки. У бывших супругов появляется план: выдать себя за богатых покупателей, вмешаться в сделку и заставить его заплатить. Ради этого придётся снова изображать счастливую пару. Инна умеет устраивать чужие праздники. Вадим умеет чинить почти всё. Казалось бы, договориться между собой будет несложно. Но их противник замечает в этой паре совсем другую ценность. Вскоре Инна и Вадим обнаруживают свои улыбающиеся лица в приглашениях для людей, которым ещё только предстоит расстаться с деньгами. Иронический роман о бывших супругах, опасном притворстве и попытке переиграть человека, который знает цену чужому доверию.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. То, что не поместилось	5
Глава 2. Человек при катере	10
Глава 3. Хозяйка «Ласточки»	15
Глава 4. Дорогие привычки	20
Глава 5. Люди с планами	25
Глава 6. Ужин без свидетелей	29
Глава 7. Половина ответа	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

А.М. Сунгурский

На этот раз обманем мы

Глава 1. То, что не поместилось

На двадцать восьмом году знакомства Инна впервые увидела, как её бывший муж пытается украсть у неё табуретку.

Он вынес её в прихожую вместе с коробкой инструментов, поставил к дверям и накрыл курткой. Всё это — с таким занятым лицом, что Инна некоторое время смотрела молча. Потом подняла куртку.

— Вадик.

— Что?

— У неё четыре ноги.

— Я заметил. Одну я, между прочим, переделывал.

— И решила она поэтому жить с тобой?

Вадим присел перед открытым ящиком, проверил, на месте ли отвёртки. Он всегда пересчитывал их глазами, ни разу не проведя пальцем по ряду. Двадцать семь лет Инна считала это сноровкой. Последние два месяца ей казалось, что он просто тянет время.

— У тебя будет куда сесть, — сказал он. — Там хозяйская мебель.

— А у тебя?

— Есть диван.

— Вот и великолепно. Забирай куртку.

Они оба посмотрели на табуретку. Жёлтая краска на сиденье стёрлась до тёмного дерева, на одной перекладине остался след от Сониных роликов. Когда дочь училась ездить, она держалась за эту перекладину, а Вадим тащил табуретку по коридору, согнувшись почти пополам. Инна тогда кричала из кухни, что они проломают пол. Пол они не проломали. Теперь в кухне, где двадцать лет стоял стол, светлел прямоугольник обоев, а из открытого окна доносился спор двух грузчиков, которым уже заплатили за час ожидания.

Инна поставила табуретку посреди комнаты.

— Пусть новые хозяева решают.

— Ты же сама сказала: вывезти всё.

— Тогда я ещё не знала, что буду делить табуретку с человеком, у которого от меня есть ребёнок.

Вадим улыбнулся. Только уголком рта, но она увидела и отвернулась к окну. После развода его улыбка почему-то действовала сильнее. Раньше можно было не обращать внимания: будет ещё одна за ужином. Теперь каждая казалась попыткой что-нибудь вернуть без разговора.

Квартиру купили молодые супруги с грудным ребёнком. На первом просмотре женщина всё спрашивала, достаточно ли здесь солнца, и почти не слушала ответы. Ей хотелось эту кухню, этот угол для детской кровати, даже старый паркет с потемневшими швами. Инна знала такое состояние. Она сама двадцать лет назад перестала слышать риелтора, увидев с балкона огромный тополь. Дерево спилили через три года, потому что его корни подняли асфальт. К тому времени Соня уже ходила в школу, Вадим завёл мастерскую, а мебель на кухне встала так, что ни один из них больше не думал её переставлять.

Продажа состоялась ещё зимой. Покупатели разрешили пожить до начала лета: им предстояло ждать освобождения своей квартиры и заканчивать дела в другом городе. За эти месяцы Лосевы успели развестись, по очереди съехать, поссориться из-за денег и договориться не ссо-

риться при передаче ключей. Последнюю договорённость пока удавалось выполнять только благодаря тому, что ключи ещё не передали.

Вадим поднял коробку. Крышка разошлась, из неё высыпались крепления для полки, карандаш и маленькая пластмассовая птица. Птица была голубой, без хвоста.

— Моя, — сказала Инна.

Он без возражений подал ей игрушку.

— Думал, выбросили.

— Всё ты так думаешь.

Она пожалела о сказанном раньше, чем он поставил коробку обратно. Птицу когда-то подарили Соне в больнице. Дочь сжимала её в кулаке, пока брали кровь, а после выздоровления подарила матери: теперь, мол, твоя очередь не бояться. Инна положила игрушку в карман. Ключи, губная помада, квитанция за аренду комнаты, голубая птица. Всё помещалось.

Вадим прошёл на кухню, открыл воду и намочил ладонь. На подоконнике осталось кофейное пятно. Он потёр его пальцем, потом нашёл в коробке ветошь.

— Оставь, — сказала Инна.

— Не оставляю я людям грязь.

— Они будут ремонт делать.

— Тем более.

С этим «тем более» она прожила большую часть жизни. Им обосновывалось всё: покупка дорогого инструмента при отсутствии заказов, ненужный ремонт перед отпуском, поездка к его матери в день, когда Инне самой хотелось гостей. Вадим не был упрямым во всём. Он легко уступал пульт, последнюю котлету, место у окна. Но стоило ему решить, что он приносит пользу, и остановить его становилось невозможно.

Звонок пришёл, когда он уже оттирал стену под подоконником. Инна увидела на экране фамилию юриста и вышла в прихожую. В пустой квартире слова разносились без всякой защиты.

— Да, Павел Ильич. Я слушаю.

Юрист говорил спокойно. Банк ответил на запрос. На счёте компании денег по-прежнему не было. Исполнительные документы приняты, но взыскание не означало, что средства появятся немедленно. По заявлению о возможном обмане шла отдельная проверка; он ещё раз приложил переписку, которую прислал Вадим. Инне следовало сохранить оригиналы договоров займа и подтверждения переводов.

— Они у меня, — сказала она. — В синей папке.

— Хорошо. И, пожалуйста, если Сычёв предложит какие-то новые документы, сначала покажите мне.

— Он не предлагает. Он нас поздравляет с праздниками.

— Это тоже сохраняйте.

Она представила, как в синей папке рядом с шестью миллионами четырьмястами тысячами рублей подшивается открытка с тюльпанами. Потом ещё одна, с георгиевской лентой. Константин Сычёв поздравлял их и с днём космонавтики — серебряная ракета неслась вверх на фоне планеты, а внизу было написано, что невозможное возможно.

— Поняла. Спасибо.

— Инна Сергеевна, ещё одно. Сотрудник компании, о котором мы говорили, подтвердил готовность объяснить, кто вёл переговоры по расходам. Это может быть полезно. Но я не обещаю сроков.

— Вы их и раньше не обещали.

Она сказала это мягче, чем намеревалась, и услышала в ответ короткое облегчённое дыхание. Люди, которым не надо было возвращать ей деньги, боялись сообщать плохие новости больше тех, кто эти деньги взял.

Вадим появился в дверях кухни с мокрой тряпкой.

— Ничего?

— Ответ пришёл.

— Я спрашиваю: ничего?

— Денег нет.

Он вернулся к подоконнику. Инна хотела сказать, чтобы он перестал уже его тереть. Потом увидела, что он стоит неподвижно, сжав тряпку, и промолчала.

Компания называлась «Берест». Название нравилось Вадиму: простое, без иностранщины, под ним продавали оборудование для небольших гостиниц и обещали запустить собственную базу отдыха. Сычёв привёз их на стройку, показал каркасы домиков, познакомил с прорабом. Вадим нашёл на площадке знакомый холодильный шкаф и полчаса спорил с прорабом о том, зачем его держат под открытым небом. После этого стройка стала для него настоящей. Инна потом много раз вспоминала этот шкаф: как будто один тяжёлый предмет мог удерживать всё остальное от падения.

Сычёв просил короткий заём на поставку. За три месяца деньги должны были вернуться с процентами. Они как раз продали квартиру и ещё не выбрали две маленькие взамен. Снимать жильё на время было дешевле, чем торопиться с покупкой. Так говорил Вадим. Инна соглашалась. Ей нравилась мысль не хватать первое попавшееся, спокойно посмотреть районы, не спорить о том, какой вид из окна считать приличным. Деньги пролежали на их счетах всего одиннадцать дней.

Теперь Инна снимала комнату, Вадим жил над мастерской, а слово «короткий» казалось особенно обидным.

— Машина снизу, — сказал Вадим. — Твои коробки первыми повезём?

— Мои уже забрали вчера. Осталась сумка.

— Всё?

— Всё.

Он оглянулся на прихожую, будто она могла что-нибудь от него спрятать. Три чемодана у стены принадлежали ему. Рядом стояла кофеварка, которую он купил Инне на пятидесятилетие, потому что сам любил крепкий кофе. Она разрешила её забрать. Не из великодушия: в комнате, которую Инна снимала у пожилой учительницы, розетка была одна и уже обслуживала чайник, лампу и холодильник.

Новые хозяева пришли на двадцать минут раньше. Женщина держала ребёнка, мужчина — пакет с одноразовыми бахилами. Он протянул пакет Вадиму, потом смутился.

— То есть это мы наденем. Просто привычка.

— Не надо, — сказала Инна. — Пол теперь ваш.

Младенец проснулся, посмотрел на пустую прихожую и закричал. Женщина начала расстёгивать куртку. Мужчина уронил бахилы. Вадим подхватил пакет, поставил кофеварку так, чтобы было где пройти, и без слов принёс с кухни табуретку.

— Сядьте. Здесь устойчиво.

Молодая женщина с благодарностью опустилась на жёлтое сиденье. Ребёнок немедленно перестал кричать, как будто именно этого и добивался. Инна потянулась к связке ключей и не сразу нашла её в кармане. Пальцы снова и снова натыкались на птицу.

Они проверили счётчики, подписали бумаги, показали, где перекрывать воду. Вадим объяснял про маленький вентиль за стиральной машиной, которой уже не было, и получалось, что вентиль находится за призраком. Мужчина внимательно кивал. Инна отдала последнюю связку.

— А табуретку? — спросила молодая женщина. — Вы оставляете?

— Да, — сказали Лосевы одновременно.

На лестнице Вадим предложил подвезти её. Она отказалась. Потом вспомнила, сколько стоит такси с сумкой, и согласилась до остановки.

В машине пахло резиной, мятными леденцами и его рабочей курткой. На пассажирском коврик лежала упаковка каких-то прокладок. Инна подняла ноги, пока он убирал её под сиденье.

— Ты не мог заранее?

— Я не знал, что повезу тебя.

— Я тоже не знала.

Он посмотрел на неё и завёл двигатель. У первого светофора достал из кармана телефон.

— Пока стоим. Покажу кое-что.

На экране был мужчина в белой рубашке, с загорелым лицом и хорошими, немного слишком ровными зубами. Он стоял у штурвала катера. За его плечом тянулась серая вода, впереди лежала солнечная дорожка. Снимок был сделан так, чтобы человек казался хозяином всего: катера, воды и оставшегося после фотографа места.

— Кто это?

— Вересов. Аркадий. Который деньги из «Береста» забирал.

— Юрист сказал: по которому есть сведения. Не забирал.

— Сычёв ему всё согласовывал. Бывший бухгалтер подтвердил. Видишь катер?

— Вижу.

— Вчера снимок выложен. Открыл сезон.

Загорелся зелёный. Машина сзади коротко посигналила, и Вадим бросил телефон на колени.

Инна взяла его. Под фотографией стояло: «Большие перемены начинаются с правильной компании». Ниже люди желали удачного сезона. Кто-то спрашивал, будут ли в этом году встречи клуба. Вересов отвечал: обязательно, есть прекрасные новости.

— Он нас видел? — спросила Инна.

— Кто?

— Этот. Аркадий.

— Не думаю. Мы с Сычёвым же всё. А что?

Она увеличила снимок. На запястье у Вересова были часы. Не вызывающе большие, без золотого блеска. Инна двадцать лет организовывала выставки и знала мужчин, которые платили за незаметность больше, чем другие за роскошь. Они хотели, чтобы их узнавали свои.

— Высади меня у следующей аптеки, — сказала она.

— До остановки ещё квартал.

— Мне Розе позвонить надо.

— Какой Розе?

— Другой у меня нет.

Он затормозил у кармана. Инна положила телефон на панель, но сумку не взяла. Смотрела через стекло на вывеску аптеки. В витрине висела огромная улыбающаяся женщина, обещающая людям активную жизнь после пятидесяти.

— Мы ведь умеем, — сказала Инна.

— Что?

— Производить впечатление нормальных людей. Ты когда хочешь — очень приличный мужчина.

— Спасибо. Теперь и я знаю.

— Дослушай.

Вадим отпустил руль.

— Только не ещё один заём.

— Нет. Я думаю, нам стоит снова стать супругами.

Он медленно повернул к ней голову. Инна видела, как первая, нелепо радостная мысль успела появиться раньше осторожности. От этого ей сделалось тяжело. Она сказала быстрее:

— На время. Для него. Богатыми, довольными, с планами на жизнь. Таких он любит.

Вадим посмотрел на телефон, потом на аптечную женщину, потом снова на Инну.

— И что мы ему продадим?

— Сначала возможность познакомиться с нами.

— А потом?

Она наконец взяла сумку.

— Потом посмотрим, сколько он готов заплатить, чтобы знакомство продолжилось.

Вадим вышел, открыл ей дверь и помог поставить сумку на тротуар. Этого он не делал много лет. Инна не поблагодарила: боялась рассмеяться или передумать. Уже у аптеки она услышала, как он окликнул её.

— Инна!

Она обернулась.

— Счастливыми тоже надо?

— Обязательно.

Он положил ладони на крышу машины, подумал и кивнул с тем же серьёзным видом, с каким соглашался чинить чужое оборудование без схемы.

— Тогда сначала пообедаем. Ты голодная совсем неубедительная.

Глава 2. Человек при катере

В комнате над мастерской было два окна, но ни из одного не было видно улицы. Из первого открывался вид на крышу шиномонтажа, из второго — на лестницу, по которой к Вадиму приходили работники с вопросами. Когда он переезжал, это казалось удобным. Утром не надо тратить время на дорогу, вечером можно спуститься и закончить заказ. Теперь он просыпался от звука компрессора и иногда по нескольку секунд не понимал, сколько ему лет: двадцать девять, когда они с Инной только поженились и ночевали где придётся, или пятьдесят шесть.

Чемоданы он оставил закрытыми. Достал только кофеварку, две футболки и коробку с зарядками. На подоконник поставил фотографию Сони. Инны на ней не было: она снимала их с дочерью в парке аттракционов. У Вадима на снимке было выражение человека, которого только что заставили съесть сахарную вату. Так и было.

После обеда с бывшей женой он обещал себе не думать о её предложении до вечера. Нужно было закончить витринный холодильник для мясного магазина, позвонить поставщику и объяснить покупателю, что стекло треснуло до перевозки. Два первых дела он сделал. На третьем открыл фотографию Вересова.

— Это ваш новый клиент? — спросил из дверей Тимка.

Вадим убрал телефон.

— Нет.

— Хорошо. А то я белые штаны боюсь. В прошлый раз один в таких приехал, неделю потом денег ждали.

Тимке было двадцать четыре. Он работал у Вадима третий год и постепенно переставал быть Тимкой, но имя, полученное в первый день, держалось крепче должности. Из учеников он давно вышел, умел спокойно разговаривать с рассерженным заказчиком и недавно попросил пересмотреть оплату. Вадим обещал обсудить это в июне. Июнь наступил.

— Садись, — сказал Вадим.

Тимка немедленно посмотрел на холодильник, потом на свои руки.

— Я ничего не сломал.

— Я тоже, представь себе. Про деньги хотел.

Разговор оказался короче, чем он боялся. Они договорились о новой сумме и о том, какие выезды Тимка будет брать один. Вадим записал условия на обратной стороне накладной. У него всегда находилась бумага, но никогда та, которая предназначалась для данного случая.

— Мне на следующей неделе надо будет отлучаться, — добавил он. — Может, несколько раз. Справишься тут?

— Справлюсь. Вы только предупреждайте. А то клиентам говорю: мастер сейчас будет, — а вы с мамой на кладбище до обеда.

— Предупрежу.

Тимка уже встал, когда Вадим неожиданно спросил:

— Я на богатого похож?

Тот прищурился.

— Сейчас?

— Вообще.

— Когда молчите — да.

— Почему?

— Думают, вы цену в голове считаете. А как про цены говорить начинаете, сразу видно: наш человек.

Вадим отпустил его, сунув в карман накладную. Потом поднялся наверх и разложил на диване содержимое синей папки. У него были копии; оригиналы забрала Инна. Договор, пере-

вод, акт сверки, претензия. Стопка получилась ровной, как заказанная в типографии. Шесть миллионов четыреста тысяч рублей занимали меньше места, чем инструкция к холодильной установке.

Он помнил разговор с Сычёвым почти наизусть. Деньги требовались под поставку, покупатель уже найден, задержка только из-за оборотных средств. Не инвестиции на десять лет, не биржа, не какие-то монеты в компьютере. Обычный заём работающему предприятию. Вадим понимал оборудование, видел его, мог потрогать. Сычёв не торопил. Даже советовал показать договор юристу. Они показали знакомому, который отметил несколько пунктов и сказал, что договор как договор, главное — сможет ли должник вернуть деньги.

Этот последний вопрос Вадим решил для себя сам.

Он набрал Сычёва. Тот ответил не сразу, но ответил, что уже было небольшим достижением.

— Вадим Александрович! Как раз хотел вам написать.

— Пиши. Я пока послушаю.

— Идут переговоры. Я понимаю ваше нетерпение...

— Я квартиру сегодня отдал. Ключи отдал. У меня теперь нет квартиры, а тебе кажется, что я нетерпеливый.

Пауза вышла достаточно длинной, чтобы он успел пожалеть о повышенном голосе. Из-за стенки слышно было, как Тимка включил музыку и тут же сделал тише.

— Я тоже пострадал, — сказал Сычёв.

— Сколько твоих денег туда ушло?

— Я сейчас не готов...

— Вот и я не готов слушать, как ты пострадал.

Он смотрел на фотографию дочери. Соня держала сахарную вату перед самым его носом, а он отводил голову, как испуганная лошадь. На том снимке им было хорошо. Не идеально, не празднично для чужих глаз — просто хорошо.

— Ты Вересова знаешь? — спросил Вадим.

Сычёв перестал шуршать чем-то возле телефона.

— В каком смысле?

— В человеческом. Здороваешься с ним?

— Аркадий Викторович консультировал проект.

— У консультанта катер есть?

— Я не веду учёт его имущества.

— А наших денег вёл?

Сычёв вздохнул. Вадим знал этот вздох: его издавали заказчики, которые сначала брали самую дешёвую запчасть, а потом объясняли, что не могут ещё раз оплатить ремонт.

— Вы сейчас добиваетесь, чтобы я перестал отвечать?

— Я добиваюсь, чтобы ты ответил хоть на что-нибудь.

— Он не подписывал ваш договор. Вы это знаете. Если хотите спорить — спорьте с компанией. Я от вас не прячусь.

— Передай ему: мы тоже.

Он положил телефон и почти сразу понял, что сказал лишнее. Инна спрашивала, видел ли их Вересов. А он только что сунул их фамилию человеку, способному передать её дальше. Но Сычёв слышал от них угрозы обратиться в суд и раньше. До катера дело ещё не доходило.

Вадим написал Инне: «Сычёв подтверждает, что знаком с ним». Посмотрел на сообщение, добавил: «Про твой план не говорил». И только отправив, заметил, что второе предложение отвечает на вопрос, которого она не задавала.

Она прочитала быстро. Ответила через десять минут: «Больше пока никому не звони. Завтра в десять поедem к Розе».

Он хотел написать: «Не командуй». Вместо этого поставил телефон заряжаться и спустился к витрине.

К вечеру холодильник заработал. Нормальный, ясный результат: сначала внутри было тепло, теперь холодно. Вадим постоял рядом, слушая, как ровно гудит компрессор. В последнее время ему слишком часто не хватало такой простоты.

Когда приехал хозяин магазина, Вадим заставил его самому проверить температуру, показал заменённую деталь и выдал квитанцию. Мужчина попытался поторговаться уже после работы, сославшись на трудные времена.

— У нас они с вами одновременно, — сказал Вадим.

— Можно половину сейчас?

— Можно всё сейчас.

Деньги пришли через две минуты. Он открыл приложение, проверил поступление и только тогда помог погрузить витрину. В торговле оборудованием он умел быть твёрдым. У Сычёва в кабинете ему зачем-то захотелось выглядеть человеком, которому не надо считать каждую копейку.

Соня позвонила, когда он ел за рабочим столом. На экране показался угол её комнаты, открытый чемодан и половина лица.

— Мамина кофеварка у тебя?

— Уже твоя мама доложила?

— Она спросила, не нужна ли мне. Я сказала, что у меня есть. Потом подумала: если ты её забрал, проверь поддон. Он течёт.

— Не течёт.

— Пап, я в феврале под него полотенце клала.

Он посмотрел на кофеварку. Под ней растекалось тёмное пятно.

— Сейчас сделаю.

— Ты опять там живёшь?

— Где?

— Над мастерской.

— Удобно.

— Да. Дойти до работы не успеваешь — уже устал.

Он улыбнулся. Соня в этом была похожа на мать, и сходство никогда не раздражало его, когда речь шла о дочери.

— У тебя-то как? Что в чемодан собираешь?

— Образцы. Еду на печать смотреть. На три дня.

— С кем?

— С человеком, который умеет отличать зелёный от другого зелёного. То есть со своей начальницей.

— Я просто спросил.

— А я просто ответила.

Они помолчали. Он слышал, как она передвигает коробки, подбирает что-то с пола. Ему хотелось предложить приехать помочь, но в её городе у него не было даже места, где переночевать, а поездка обошлась бы дороже помощи.

— Вы сегодня нормально? — спросила она.

— Нормально.

— В смысле без этого вашего?

— Без какого?

Соня подняла на него глаза, и он сдался.

— Твою табуретку людям оставили. Хорошая семья. Малыш маленький.

— Хорошо.

— Мама тебе не говорила, куда собирается?

— Она тебе не говорила?

Вадим положил вилку.

— Нет. А куда?

Соня вздохнула — уже не Сычёвым вздохом, а своим, сердитым.

— Спроси у неё. Пожалуйста, не вытаскивай через меня.

— Я не вытаскиваю.

— Тогда не надо спрашивать так, будто мы с ней что-то против тебя затеяли.

Он хотел объяснить, что совсем не это имел в виду. Но дочь уже ждала привычного объяснения, и Вадим впервые за день не стал его давать.

— Ладно. Удачно съездить.

— Спасибо. И поддон всё-таки проверь.

После разговора он разобрал кофеварку. Работа заняла семь минут. Ещё двадцать он отмывал засохший кофе с пластмассы, которую никто не видел. Инна куда-то собиралась. Ему следовало бы обрадоваться, что у неё появились планы. На самом деле он чувствовал себя человеком, который долго ехал рядом с другим в лифте и вдруг выяснил, что у них разные этажи.

Он открыл страницу Вересова. Кроме катера, там были фотографии с загородных встреч, обедов и каких-то выступлений. В большинстве кадров люди держали в руках бокалы, но не пили. Слушали, смеялись, ждали своей очереди пожать руку. Вадим увидел знакомое лицо. Женщина в синем платье стояла рядом с Вересовым и держала папку так, как держат предмет, который не хотят отдавать никому.

Это была Майя Горская. Несколько лет назад он менял холодильное оборудование в ресторане, где она работала управляющей. Тогда они спорили из-за графика: Майя требовала закончить всё к открытию, Вадим объяснял, что клей не интересуется расписанием ресторана. Она в конце концов перенесла поставку продуктов, а он остался на ночь. Утром она принесла ему горячий омлет и не стала извиняться. Он это запомнил.

Ниже стояла подпись: «С Майей запускаем новый формат встреч». Вадим сохранил снимок. Хотел переслать Инне, но остановился. Сперва надо было понять, узнает ли его Майя. Конечно, узнает. Она запоминала людей, от которых зависела работа.

Он отправил фотографию всё же. Написал: «Эту знаю. Может узнать меня».

Инна позвонила сама.

— Очень хорошо, — сказала она.

— Что хорошего? Я ей холодильники чинил.

— И что, богатым людям запрещено чинить холодильники?

— Своими руками — обычно не принято.

— Не говори глупостей. Мы же не князья из-за границы. Имена настоящие оставим. Паспортом я жертвовать не собираюсь.

— Тогда как?

— Разберёмся завтра.

Он услышал, как у неё за стеной включился телевизор. Чужой голос громко обещал кому-то счастливое возвращение домой.

— Тебе удобно там? — спросил Вадим.

— Где?

Он чуть не засмеялся: они оба задавали этот вопрос, когда знали ответ.

— В комнате.

— Удобно. Хозяйка тихая. Смотрит громко, но сама тихая.

— У меня тоже удобно.

— Я не спрашивала.

— Знаю.

Он ждал, пока она закончит разговор. Она почему-то тоже не заканчивала. Вадим посмотрел на раскрытую кофеварку и сказал:

— Соня звонила. Поддон теперь не течёт.

— Поздно.

— Для поддона нормально.

Инна тихо рассмеялась. Он сидел на стуле, который собирался заменить уже пятый год, держал телефон у уха и слушал, как она смеётся в другой комнате на другом конце города. Потом связь прервалась.

Перед сном он достал из чемодана тёмный пиджак. Примерил без рубашки, посмотрел в маленькое зеркало над раковиной. Живот выпирал между бортами. Вадим застегнул пуговицу, втянул живот и неожиданно вспомнил Тимкино: «Когда молчите — да».

Он простоял перед зеркалом почти минуту. Затем расстегнул пиджак и повесил его на спинку стула. Завтра Инна наверняка скажет, что этот пиджак давно пора выбросить. Приятно было знать заранее хотя бы что-нибудь.

Глава 3. Хозяйка «Ласточки»

Роза Бардина встретила их на кухне гостиницы с отвёрткой в руке. Вадим сразу посмотрел на отвёртку и только потом поздоровался.

— Не смей, — сказала Роза.

— Я ещё ничего не сказал.

— У тебя лицо уже сказалось. Я сама могу ручку прикрутить.

Она закрутила последний винт, открыла дверцу шкафа, закрыла и сунула отвёртку в карман халата. Халат был ярко-красный, с зелёными листьями. В таком можно было либо спать, либо командовать гостиницей. Роза выбрала второе.

Инна обняла её и почувствовала запах кофе и горячего хлеба. В эту кухню они привозили выставочные обеды, устраивали ужины для приезжих участников ярмарки, однажды за полтора часа спасли приём, на который подрядчик не доставил посуду. Роза до сих пор считала, что одноразовые тарелки Инна тогда выбрала недостаточно плотные. Инна помнила, что других в городе не было.

— Сначала есть, — сказала хозяйка. — Потом ваша тайна. Я с восьмью на ногах, имею право.

Вадим сел, осторожно проверив стул рукой. Роза заметила и поставила перед ним тарелку так решительно, что проверка прочности стала уже ненужной.

«Ласточка» стояла в сосновой роще в сорока минутах езды от города. Двухэтажный корпус, деревянная веранда, двадцать четыре номера. До реки шли по тропинке минут десять; на рекламных фотографиях расстояние сокращалось до полосы воды между деревьями. Роза никогда не обещала собственного пляжа, хотя каждый второй гость спрашивал, почему его нет. Зато у неё были хорошие матрасы и завтрак до одиннадцати — редкая щедрость для человека, который вставал в шесть.

Гостиницу она построила с мужем на месте старой турбазы. Муж умер девять лет назад. Первые два года Роза работала за двоих, следующие семь убеждала себя, что уже только за одного. Этой весной она выставила «Ласточку» на продажу.

— Тридцать шесть, — сказала она, когда тарелки опустели. — Вместе с землёй, оборудованием и моей ненавистью к бельевым накладным. Торг возможен до того момента, пока я не рассердилась.

— Покупатели есть? — спросила Инна.

— Есть любители приехать на свежий воздух. Они осматривают номера, проверяют напор в душе, пьют кофе и спрашивают, можно ли сделать скидку за то, что сосны затеняют участок. Один предложил половину деньгами, половину квартирами, которые ещё только нарисовали. Я ему предложила половину гостиницы показать сейчас, а вторую тоже нарисовать.

Вадим засмеялся. Роза смотрела на Инну.

— Ты по делу спрашиваешь или хочешь, чтобы я отвлеклась от тебя?

— По делу. Вересов к тебе приезжал?

Хозяйка перестала собирать тарелки.

— Аркадий?

— Да.

— Был. Два раза. На покупку пока не решился, хотел сначала сезон поуправлять. Потом выкупить. Я сказала, чтобы сначала принёс деньги, потом управлял.

Инна посмотрела на Вадима. Он приподнял брови: этого они не знали. Роза подождала и поставила тарелки обратно.

— Так. Теперь говорите всё, с самого неудобного места.

Они рассказали. Не споря, потому что к этому времени у каждого уже сложилась удобная версия произошедшего и обе версии устали повторяться. Вадим объяснил про оборудование и стройку. Инна — про короткий срок, пропавшие выплаты, юриста и комнату, которую пришлось снять, пока Вадим устраивался над мастерской. Роза слушала, потирая место под обручальным кольцом. Кольцо она носила на цепочке, но привычка осталась на пальце.

— Сколько? — переспросила она.

— Шесть четыреста, — сказал Вадим.

Роза отвела глаза. Никто из них не знал, что она собиралась ответить, и оба были благодарны за то, что она не ответила сразу.

— При мне он со своим помощником говорил про ту базу, — произнесла она наконец. — Про «Берест». Я думала, продал давно. Он сказал: вышел из проекта, теперь ищет готовый объект. Документы свои показывал, компанию. Там его фамилия есть, всё как положено. Но купить за разговоры ещё никому не удавалось.

— Нам тоже показывали как положено, — сказала Инна.

— Да. Вижу.

Роза поднялась, налила воды в чайник. Потом, передумав, выключила его.

— Что ты хочешь от меня?

— Чтобы он подумал, будто у тебя появился другой покупатель.

Хозяйка обернулась. Вадим смотрел в пустую чашку.

— Настоящий?

— Мы.

— Я поняла, что не англичане. Деньги-то у вас есть?

— У него, — сказал Вадим.

Роза села обратно и некоторое время молча смотрела на них. Потом рассмеялась. Смех вышел коротким, без удовольствия.

— Вы у меня гостиницу на свои пропавшие деньги покупать собрались?

— Мы собираемся ему помешать купить дёшево, — сказала Инна. — Ты просишь тридцать шесть. Появляется пара, готовая обсуждать сорок четыре. Ему хочется объект. Он начинает думать, как убрать конкурентов.

— И платит вам шесть миллионов за то, чтобы вы ушли? — Роза перевела взгляд на Вадима. — Это ты придумал?

— Она.

— Тогда хоть одна новость хорошая.

Инна почувствовала, как у неё покраснели уши. Вчера в машине идея казалась яркой, почти осязаемой. Она не называла цифр: представляла лицо Вересова, когда ему придётся уговаривать их. Теперь цифры лежали на столе рядом с хлебными крошками и выглядели значительно хуже.

— Я понимаю, что всё не так просто.

— Пока не понимаю, что ты понимаешь, — сказала Роза. — Он попросит подтвердить деньги. Захочет задаток. Я должна буду подписывать бумаги с людьми, которые покупать не могут. А потом он придёт ко мне с адвокатом и спросит, в чём я участвовала. Инна, мне шестьдесят шесть. Я гостиницу продаю, чтобы уйти от забот, а не поменять их на уголовные.

— Никаких фальшивых бумаг, — сказала Инна. — Вообще. Я не хочу твою собственность изображать своей. Мне нужен разговор. Он нас не слушает как людей, у которых отняли деньги. Пусть послушает как людей, у которых деньги есть.

Роза откинулась на спинку стула.

— Это уже другое. Только ты сама не перепутай.

Вадим подвинул к ней чашку.

— Мы можем прийти на осмотр. Как покупатели. До договора дело не доводить. Может, вообще ничего не выйдет.

— Вот это у вас пока самое убедительное.

Из коридора заглянула женщина с корзиной полотенец.

— Роза Михайловна, на двенадцатый номер кран нужен. Он уже не подкапывает.

— А что делает?

— Считает себя рекой.

Вадим поднялся раньше хозяйки.

— Покажите.

Роза успела сказать ему вслед, что работа будет оплачена, но он уже ушёл. Инна услышала его спокойное: «Где перекрывается?» — и знакомый скрип инструмента в кармане куртки. Даже на тайные переговоры он приехал с пассатижами.

Оставшись с ней вдвоём, Роза сняла очки. Без очков лицо у неё становилось старше, а взгляд — неожиданно мягким.

— Вы ведь развелись?

— Да.

— Из-за этих денег?

— Нет. Деньги просто не дали разойтись нормально.

— И теперь ты хочешь опять вместе с ним во что-то ввязаться.

Инна рассматривала на столе царапину. Однажды по ней провели ножом, вскрывая упаковку. Она была здесь семь лет назад, и никто не пытался её заделать.

— Я хочу своё вернуть, Роз.

— А он чего хочет?

— Тоже.

— Ты спросила?

Инна подняла глаза.

— Мы не к тебе на семейную консультацию приехали.

— Это и к лучшему. Я бы вам счёт выставила такой, что шесть миллионов покажутся мелочью.

Они обе улыбнулись, но разговор уже изменился. Инна знала, что Роза не одобряет. И всё-таки не уходила. На кухне было тепло, никто не жалел её, и впервые за последние недели она чувствовала себя человеком, который может что-то предложить, пусть глупое.

Роза достала телефон, открыла переписку и положила его на стол.

— Смотри. В пятницу он придет со своей Майсей. Они хотят здесь ужин для двенадцати человек. Обсуждать летние мероприятия. Я сдаю им зал, кормлю людей, выставяю обычный счёт. Никаких инвестиций у меня в договоре нет. Можешь прийти к концу дня осмотреть гостиницу. С Вадимом. Я скажу, что у меня есть ещё интересующиеся. Это правда: вы, как я вижу, очень интересуетесь.

— И всё?

— И всё. Собственницей остаюсь я. Цену называю сама. Договоры подписываю сама. В ваши деньги не влезаю. Своих сотрудников в спектакль не нанимаю. Начнёте обещать кому-то от моего имени — выгоню вместе с Вересовым. Понятно?

— Понятно.

— И никаких авансов от него через тебя. Ты не мой агент. Хочет покупать — получает настоящие документы и разговаривает с моим юристом. А вы между собой хоть на люстре танцуйте, если люстра выдержит.

Вадим вернулся с мокрыми рукавами.

— Там заменить надо. Временно подтянул, но это до вечера максимум. С собой нет такого.

— Купи и привези, — сказала Роза. — Оплачу по нормальной цене. И не говори, что подарок. У меня от подарков уже три разных пульта на один телевизор.

Он вытер руки бумажным полотенцем. Инна рассказала ему про пятницу. Он слушал внимательно, без вчерашней улыбки.

— Значит, мы только посмотрим?

— Мы познакомимся, — сказала Инна.

— А дальше?

— Дальше решим.

Роза поднялась.

— Вот теперь пойдёте смотреть. А то будете богатыми покупателями, которые не знают, сколько здесь этажей.

Она повела их через холл. В углу стоял старый рояль, накрытый плотной тканью. На стене висели фотографии гостиницы в разные годы: стройка, первый снег, вереница школьников, мужчина в свитере держит огромную рыбу и виновато улыбается. Инна задержалась у рыбы.

— Коля?

— Коля. Рыбу чужую дали поддержать. Всю жизнь потом спрашивали, где поймал.

Роза пошла дальше. Двадцать четыре номера, прачечная в пристройке, котельная, склад белья. На втором этаже нужно было менять ковровин. На веранде два стола качались. Инна замечала всё автоматически: проходы, расстояние от кухни до зала, места, где официанты будут сталкиваться. Она могла не работать на мероприятиях месяцами, но, попав в любое помещение, сразу начинала рассаживать в нём людей.

Вадим заглянул за холодильный шкаф в бар. Роза ткнула его пальцем в плечо.

— Ты у нас покупатель. Сделай вид, что тебя интересует доход.

— Меня интересует, отчего тут запах горелой пыли. Потом доходом заинтересуются пожарные.

Хозяйка немедленно отступила. Он снял нижнюю решётку, показал забитые ворсом рёбра. Больше ничего делать не стал, только объяснил, кого вызвать. Роза записала.

— Так и говори ему, — неожиданно сказала Инна. — Как сейчас.

— Про пожарных?

— Про шкаф. Ты знаешь, во что смотришь. Это лучше, чем изображать человека, у которого прислуга выбирает носки.

Вадим открыл рот, но ничего не ответил. Наклонился поставить решётку на место и слишком долго попадал креплением в паз. Инна впервые за день удержалась от подсказки.

На веранде Роза показала им реку. Вернее, место, где её можно было увидеть, если подойти к правому углу и чуть вытянуть шею. Сосны шумели высоко над крышей, солнце лежало на деревянных досках. Вдалеке кто-то заводил моторную лодку.

— Я хочу летом уехать к сестре на две недели, — сказала Роза. — Обычные две недели. Не отвечать по ночам, сколько у нас подушек и можно ли с собакой. Вот чего я от этой продажи хочу. Если ваш знакомый готов купить по-честному, я продам. Если не готов — нет. Ваша война не должна стать единственным, что происходит в моём доме.

Инна кивнула. Это было справедливо и оттого неприятно: у других людей жизнь не останавливалась вместе с её деньгами.

В машине Вадим долго пристёгивался. Ремень перекрутился, он тянул его в одну сторону, потом в другую.

— Что? — спросила Инна.

— Мы же понимаем, что он может посмеяться и уйти.

— Понимаем.

— И деньги нам за красивый вид не отдаст.

— Понимаем.

— Тогда зачем?

Инна посмотрела на свои руки. Под ногтем осталась чёрная полоска от вчерашней уборки в пустой квартире.

— Потому что я больше не хочу, чтобы он существовал только на фотографии. Хочу видеть, как он говорит. Что ему надо. Чего он боится. Мы всё время просим у людей, которым нечего нам отдавать. Давай хоть посмотрим на того, у кого есть.

Вадим наконец расправил ремень. Щёлкнул замок.

— Пиджак мой не годится?

— Нет.

Он улыбнулся, словно она подтвердила хороший прогноз погоды.

— Знал.

Глава 4. Дорогие привычки

За два дня до ужина Инна узнала, что богатые мужчины тоже жалуются на цены. Отличие заключалось в том, что они жаловались после покупки, а Вадим — до.

— Это пиджак или доля в магазине? — спросил он, перевернув ценник.

Продавец сделал вид, что не расслышал. Инна не стала делать вид.

— Мы пришли примерить.

— За примерку пока денег не берут?

— Пока ты молчишь — нет.

Они стояли в небольшом магазине, куда Инна раньше заходила покупать подарки приглашённым ведущим. Когда-то здесь работала её знакомая; теперь за стойкой был молодой человек с удивительно спокойным лицом. Он не пытался убедить Вадима, что дорогая ткань изменит его жизнь. Просто принёс три размера, поставил воду и отошёл.

Вадим вышел из примерочной в тёмно-синем пиджаке. Плечи сидели хорошо, рукава были чуть длинны. Он остановился перед зеркалом и перестал говорить.

Инна почувствовала странное раздражение. Без старой куртки, в чистой рубашке, с непривычно открытой шеей он выглядел мужчиной, которого она могла бы встретить случайно. Не своим человеком, заранее изученным и объяснённым, а кем-то, чьи поступки ещё нельзя предсказать. Затем он повернулся к ней и спросил, нельзя ли носить это с рабочими ботинками. Порядок восстановился.

— Нельзя.

— Они чёрные.

— На них пена монтажная.

— Её не видно.

— Богатые люди обладают отличным зрением.

Он посмотрел на ценник снова. Инна подошла и тихо сказала:

— Вадик, я не предлагаю спустить последнее на одежду. У меня есть запас на два месяца комнаты. У тебя — на мастерскую. Берём то, что потом сможем носить. И записываем расходы. Я не хочу ещё одну историю, где мы не заметили, как потратили деньги.

Он кивнул. К этому условию возражений не было.

Пиджак оказался прошлой коллекции и стоил дешевле, чем Вадим сначала прочитал: крупная цифра на ярлыке относилась к полному комплекту. Облегчение он выразил громким замечанием, что всё равно дорого. Продавец улыбнулся впервые.

— Рукава можем подогнать. До пятницы успеем.

— До пятницы и надо, — сказал Вадим.

Инна взяла тёмно-зелёное платье без украшений. Ей понравилось, как свободно оно лежит в талии, не требуя от женщины оправдывать свой возраст. Продавец предложил пояс. Она отказалась. Дома у неё был тонкий кожаный ремень, которым можно было придать платью другой вид. Эта мысль почему-то успокоила: хотя бы в одежде ещё существовали простые способы получить два результата за одни деньги.

Обувь они купили в другом магазине. Вадим долго ходил по коврику, прислушиваясь к ногам, а Инна сидела с пакетами и отвечала на сообщение из Нижнего. Организатор большого выставочного комплекса снова спрашивал, приедет ли она на собеседование. Им нужен был человек на постоянную работу. Не выручить на неделю, не закрыть чей-то отпуск, а возглавить отдел организации мероприятий. В начале июля предлагали приехать на три дня, познакомиться с командой и обсудить условия.

Инна написала: «Планирую. Подтвержу на следующей неделе». Посмотрела на Вадима, который стоял перед зеркалом в новых туфлях и старых носках. Убрала телефон.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Работа.

Он кивнул слишком быстро.

За кофе они выбрали стол у окна. За стеклом зеленела колонна старой водонапорной башни — в Береговске вокруг неё торговали обувью, ключами и пирожками, хотя воду там уже давно не держали. Вадим положил на подоконник коробку с туфлями. На улице девочка в розовом шлеме каталась на самокате, а её дед шёл следом, не отрывая взгляда от телефона. Инна хотела сказать, что он сейчас упадёт, но упал самокат — девочка просто бросила его у скамейки. Вадим засмеялся и потянулся к меню.

— Что мы о себе говорим?

— Правду. Где можно.

— Где нельзя?

— Не говорим.

— Это у нас в браке отработано.

Инна подняла на него глаза. Он положил меню.

— Прости. Не надо было.

Она покрутила чашку за ручку.

— Нет. Полезно. Только при нём не шутить так. Мы живём вместе. Продали квартиру, потому что хотим перемен. Можем говорить про твою мастерскую. Про мои мероприятия. Имена настоящие, документы настоящие. Никакого наследства от дяди в Швейцарии. Если начнём сочинять биографии, запутаемся на втором вопросе.

— А деньги?

— Деньги от продажи имущества. Это правда. Сколько именно — пока не его дело.

— Квартиру за сорок миллионов мы не продавали.

— Значит, сумму не называем. Смотрим объект. Обсуждаем. Не подписываем обещание заплатить то, чего у нас нет.

Вадим откинулся на спинку стула.

— То есть сидим и стараемся выглядеть дороже себя.

— Половина людей всю жизнь этим занимается. У нас хоть причина есть.

Ему принесли кофе и кусок медовика. Инна не заказала сладкое, но Вадим поставил тарелку посередине. Она взяла вторую вилку. Привычка сработала раньше, чем стало неловко.

— Где отдыхали в прошлом году? — спросила она.

— На даче у моей матери. Я крышу...

— Вадик.

— Что? Правду же.

— Можно сказать: за городом. Без крыши. Богатые тоже отдыхают за городом.

Он прожевал.

— Удобная у тебя правда.

— В данный момент — да.

— Хорошо. А ты чем занимаешься, дорогая?

Инна едва не поперхнулась кофе. Дорогой он называл её в начале брака, пока это слово не переселилось в споры о покупках.

— Организую события.

— Богатые события?

— Иногда. Сейчас рассматриваю новые возможности.

— С кем?

Она не сразу ответила. Вадим смотрел на неё без улыбки. Вопрос был уже не о роли.

— С разными людьми.

— Понятно.

Он убрал вилку с её половины тарелки. Инна заставила себя продолжить:

— Мы не обязаны делать вид, что у нас нет разногласий. Просто не обсуждаем развод.

— А кольца?

Она посмотрела на левую руку, потом на правую. Обручальное лежало в коробочке с серьгами. Снять его оказалось легче, чем решить, что с ним делать дальше.

— Наденем.

— Моё в мастерской.

— Найди.

За соседним столом женщина повернулась к ним. Вадим заметил и, накрыв Иннину руку своей, сказал:

— Я всё найду, любимая.

Женщина улыбнулась, отвернулась. Инна терпеливо дождалась, пока он уберёт ладонь.

— За любимую доплата.

— Из наших шести миллионов?

— Из твоей половины.

Они наконец рассмеялись одновременно. Смеяться за одним столом было гораздо проще, чем обсуждать, почему два месяца они не могли за ним сидеть.

Вечером Соня позвонила матери по видео. Инна как раз примеряла платье перед зеркалом, прислонённым к стене комнаты. Хозяйка разрешила переставить его, но попросила не сверлить ничего без неё, как будто Инна могла соорудить здесь вторую жизнь при помощи дрели.

— Ого, — сказала дочь. — Куда это мы?

— На деловой ужин.

— Хорошее. Повернись.

Инна повернулась. Соня велела отойти от лампы, потом приблизиться. Разбиралась она в форме и цвете значительно лучше матери, но редко демонстрировала это без просьбы. Теперь просьбу посчитала полученной автоматически.

— Ремень не надо. Так лучше. И эти серьги убери, они слишком праздничные.

— У меня других нет.

— Вообще без серёжек можно. Ты же не обязана доказывать, что у тебя есть уши.

Инна сняла серьги и положила на подоконник.

— Ты когда возвращаешься?

— В субботу. А ужин с кем?

— Люди по гостинице. Розиной.

— Роза продаёт?

— Да.

— Ты её покупать собралась?

Инна засмеялась чуть позже, чем следовало. Соня перестала передвигать телефон.

— Мам.

— Что?

— Ты опять молчишь заранее. Рассказывай.

Инна могла бы закончить разговор. Сказать, что устала, что не хочет сейчас объяснять, что дочь слишком много на себя берёт. Но днём сама просила Вадима не врать там, где можно говорить правду. И с Соней ей хотелось хотя бы начать правильно.

Она рассказала не всё. Про человека, связанного с «Берестом», сказала. Про намерение познакомиться на ужине — тоже. Про роль богатой пары сначала попыталась обойти, но Соня спросила, зачем отец купил новые туфли. Пришлось объяснить.

Дочь долго не отвечала. Инна видела, как меняется её лицо: удивление, недоверие, обида, злость. Именно в таком порядке.

— Вы решили его обмануть?

— Мы решили с ним поговорить.

— Тогда зачем изображать, что вы вместе?

— Потому что он по-другому с нами говорить не будет.

— Ты не знаешь.

— Не знаю, — согласилась Инна.

Это слегка сбило Соню. Она села, поставила телефон перед собой.

— А если он проверит?

— Ничего незаконного мы подписывать не собираемся.

— Я не про это. Если он проверит, кто вы, где живёте, что у вас есть? Мам, ты не сериал. И папа не человек, который может долго делать вид. Он через десять минут начнёт обсуждать запчасты.

— Пусть. Это его дело, он в нём разбирается.

Соня смотрела внимательно.

— Хорошо. Допустим. А я в вашей истории кто?

— Наша дочь.

— Можно мне не участвовать?

Инна почувствовала, как горит лицо.

— Мы не собирались тебя просить.

— Ты уже рассказываешь мне, что вы счастливая семья. И хочешь, чтобы я на это нормально смотрела.

— Сонь...

— Я понимаю, что вы хотите деньги. Я тоже хочу, чтобы вам вернули. Но я не хочу подтверждать кому-то по телефону, как вы замечательно живёте. И фотографии мои никуда не отдавайте. Пожалуйста.

— Не отдадим.

— Папе скажешь?

— Скажу.

Соня кивнула. Разговор можно было закончить, но Инна неожиданно спросила:

— Ты считаешь, мы совсем дураки?

— Я считаю, вы очень устали. И вам сейчас нравится, что появилось дело, где вы заодно. Это приятно даже мне. Но я боюсь, что потом будет ещё хуже.

Инна села на край кровати. Платье мягко легло на колени. За дверью хозяйка прошла на кухню, зазвенел чайник.

— Мне тоже страшно, — сказала она.

Соня выдохнула.

— Вот так лучше. Не говори мне, что всё под контролем. Я это слышала в январе.

После звонка Инна сняла платье и аккуратно повесила на единственную свободную вешалку. Затем написала Вадиму про фотографии и про то, что дочь не участвует. Он ответил: «Понял». Через минуту добавил: «Она права».

Инна открыла пустую записку и набрала три строки: «Не брать чужих денег. Не обещать за Розу. Не использовать Соню». Дальше долго смотрела на экран. Самого нужного запрета она сформулировать не могла.

В пятницу под вечер Вадим приехал за ней раньше условленного времени. Пиджак висел на плечиках в машине. Он принёс маленький пакет и поставил на тумбочку.

— Это тебе.

В пакете был переходник с несколькими розетками.

Инна посмотрела на него.

— Богатый подарок.

— Ты говорила, розетка одна.

— Спасибо.

Он уже повернулся к двери, когда она заметила кольцо на его руке. Обручальное выглядело непривычно ярким.

— Почистил?

— Оно в коробке с мелочью лежало. Пришлось.

Она достала своё. Кольцо свободно прошло через сустав. За два месяца без него на пальце исчезла светлая полоска, и теперь казалось, что вещь пытается занять место, о котором никто не договаривался.

Вадим стоял у двери, держа в руке ключи.

— Ну что, поехали?

Инна взяла сумку, проверила телефон, посмотрела на переходник. Хозяйка комнаты высунулась в коридор, увидела их вместе и радостно всплеснула руками.

— Помирились?

Инна открыла рот, но Вадим ответил первым:

— Мы по делам, Мария Фёдоровна.

И не улыбнулся. За это Инна была ему благодарна всю дорогу.

Глава 5. Люди с планами

У входа в «Ласточку» Вадим остановился, чтобы вытряхнуть из туфли камешек. Инна ждала, повернувшись к гостинице. В стеклянных дверях отражались сосны, её зелёное платье и мужчина, который стоял на одной ноге и ругался шёпотом. Они были готовы к большой игре настолько, насколько вообще могли быть готовы.

Роза вышла им навстречу уже без халата. На ней был серый костюм, на шее — длинные деревянные бусы. Она смерила Вадима взглядом и кивнула.

— Теперь похож на человека, которому можно предъявить счёт.

— Я и раньше был похож.

— Раньше ты мог уехать через служебный вход.

Она провела их в холл. На стойке стояла ваза с полевыми цветами, к роялю придвинули два кресла. Из зала слышались голоса. Инна прислушалась к коротким командам официантам и поморщилась, когда стукнула плохо закрывающаяся дверь на кухню. Вадим знал: она уже мысленно переставляет что-нибудь в чужом зале. Ужин только начинался, люди ещё разговаривали слишком громко и не знали, с кем проведут остаток вечера.

Майя Горская появилась из коридора с планшетом. Она взглянула на Вадима, замедлила шаг и улыбнулась — не гостевой, а узнающей улыбкой.

— Вадим Александрович?

— Добрый вечер, Майя.

— Вот это встреча. Роза Михайловна, у вас наконец будет нормальный холод?

— Холод у нас прекрасный. Они сегодня гости.

Майя перевела взгляд на Инну, на кольца, на пакеты, которых у них не было. Вадим почувствовал, как пиджак стал теснее в плечах.

— Вы отдохнуть?

— Присматриваемся, — сказала Инна. — Я Инна. Мы с вами, кажется, на промышленной выставке встречались.

— Горская, Майя. Да, возможно. Вы от организаторов были?

— Долго была.

Это вышло удачно: прошлое время произвело больше впечатления, чем любые объяснения о будущих деньгах. Майя ещё раз посмотрела на Розу.

— Осмотр?

— Именно. Я на полчаса отлучусь. У вас всё заказано, Галина справится.

Галина, официантка лет сорока, прошла мимо с подносом и попросила Вадима отступить от двери. Он отступил. Его новое состояние пока не позволяло мешать людям работать.

Майя шагнула в сторону, освобождая проход, и в этот момент из зала вышел Вересов.

На фотографии он казался выше. В жизни был средним, плотным, двигался без спешки, но не медленно. Белая рубашка сменилась тёмно-синей. На запястье оставались те же часы. Он не посмотрел на Инну так, как мужчины иногда смотрели на неё рядом с Вадимом: сначала на женщину, потом на её спутника, определяя, кому говорить. Его взгляд задержался на обоих одинаково.

— Роза Михайловна, вы нас покидаете?

— На время. Людям объект покажу.

— Тогда не буду мешать.

Он уже поворачивался, когда Роза произнесла имена. Никакого торжественного представления не было. Два имени, фамилия, простое «интересуются гостиницей». Вересов пожал Вадиму руку, затем слегка наклонил голову Инне.

— Хорошее место. Вы из города?

— Да, — сказала она.

— И решили ближе к природе?

— Пока решили посмотреть.

— Самый разумный ответ. Я тоже сначала смотрю.

Он улыбнулся. Вадим внезапно захотел спросить: «А когда наши деньги смотрел, тоже улыбался?» Желание было таким сильным, что пришлось сжать пальцы в кармане. Инна стояла рядом спокойно, чуть повернув голову. Он видел её профиль и не мог понять, как она это делает.

— Вы в гостиничном деле? — спросил Вересов.

— Ближе к мероприятиям, — ответила Инна. — Муж занимается оборудованием. Мы долго работали рядом с чужими площадками. Теперь думаем о своей.

Профессии настоящие, а слово «муж» — уже ложь. Вадим не поправил. Его почему-то задело другое: о собственной площадке Инна с ним всерьёз не говорила. Эта общая мечта появилась только для постороннего человека.

— Семейное дело? — уточнил Вересов.

Инна коснулась Вадимова локтя.

— Посмотрим, выдержит ли семья.

Вересов рассмеялся тихо, оценив не шутку, а интонацию. Богатые люди тоже могли сомневаться; уверенность во всём выдавала тех, кто слишком старался.

— После осмотра присоединяйтесь. Мы здесь обсуждаем лето, ничего закрытого. Будет полезно познакомиться.

Инна не ответила сразу. Посмотрела на Вадима. Он пожал плечами, будто вечер принадлежал им обоим и его можно было потратить свободно.

— Ненадолго, — сказала она. — У нас ранний день завтра.

У них не было раннего дня. Вадим знал это и всё равно кивнул. Врать вместе оказалось легче, чем поправлять друг друга.

Роза показала им три номера, прачечную и часть второго этажа. Она говорила деловито, не повторяя прежних предупреждений. В одном из номеров Вадим заметил неровно установленную дверь душевой, но не полез исправлять. Инна увидела его сдержанность и одобрительно подняла бровь. Он почувствовал себя мальчиком, которому разрешили сидеть за взрослым столом, и немедленно рассердился.

— Что? — спросила она, когда Роза ушла за ключом от склада.

— Не смотри на меня, как будто я экзамен сдаю.

— Я не смотрю.

— Смотришь.

Она вдохнула, готовясь возразить, и вдруг остановилась.

— Ладно. Постараюсь.

Вадим растерялся. Обычно за первым возражением следовали ещё три, пока они не выясняли, кто как смотрел десять лет назад. Теперь ему некуда было девать приготовленный ответ.

— Я тоже, — сказал он и сам не понял, что именно обещал.

В зале их посадили не рядом с Вересовым, а ближе к окну. Вадим не понял, хороший ли это знак. Инна спокойно развернула салфетку. За столом сидели местный владелец автосервиса, женщина из туристической фирмы, двое мужчин, представленных просто по именам, и несколько людей, которым хотелось познакомиться с остальными. Разговоры вращались вокруг поездок, недвижимости и нехватки хороших работников. Все жаловались по-разному, но с одинаковым удовлетворением людей, у которых есть на что жаловаться.

Вадим положил салфетку на колени. Инна сделала вид, что не заметила. Майя принесла им два бокала воды и сказала:

— Алкоголь сами решайте. Здесь никто никому ничего не доказывает.

— Это редкость, — ответила Инна.

Майя улыбнулась уже ей.

Первые двадцать минут прошли почти приятно. Женщину из турфирмы звали Алла, и она помнила Инну по ярмарке, на которой под дождём проводили розыгрыш поездки. Они обсудили ведущего, который тогда отказался выходить на улицу, и Инна рассказала, как пришлось держать над ним рекламный зонт чужого спонсора. Вадим слушал знакомую историю, но за чужим столом она звучала иначе. Инна не была человеком, который умеет только напоминать ему о забытом. У неё был собственный мир, где она спасала чужие планы, нравилась людям, смешила их. Он когда-то видел этот мир чаще.

Вересов вмешался, когда заговорили о гостинице.

— Роза Михайловна устала. Это видно. А место недооценённое. Можно сделать гораздо больше.

— Что именно? — спросила Инна.

Он повернулся к ней.

— Клубные выходные. Небольшие деловые программы. Семейный отдых с хорошим сервисом. Люди готовы платить за круг общения, где им спокойно.

— А за горячую воду каждый день тоже готовы, — сказал Вадим.

За столом засмеялись. Он понял, что попал, и продолжил уже увереннее:

— Я такие объекты обслуживал. Можно хоть министров пригласить. Если на втором этаже вечером напора нет, утром они все одинаковые.

Вересов кивнул.

— Вот поэтому мне нравятся люди, которые знают работу. Деньги без опыта быстро становятся чьей-то чужой удачей.

Вадим положил вилку. Задел под столом Иннину ногу и замер, ожидая предупреждающего толчка. Толчка не было.

— Бывает, — сказал он. — Особенно если им помогают.

Пауза вышла короткой. Вересов мог принять слова за обычную деловую горечь. Так и принял — или показал, что принял.

— Помощников много. Партнёров меньше.

Он заговорил о сезонности, о том, что лето короткое, а загородным площадкам нужна жизнь осенью и зимой. Инна перестала вертеть ножку бокала, задала вопрос о зимних мероприятиях. Вадим слушал ответы против воли. Некоторые вещи Вересов понимал верно; злиться на человека, который говорил дело, оказалось труднее.

— Вы готовы работать здесь сами? — спросил он у неё.

— Если решимся, то да.

— Тогда вам понадобится сильный управляющий.

— Зачем?

— Чтобы не оказаться заложницей собственной покупки.

Вадим увидел, как изменилась её улыбка. Вересов нащупал что-то настоящее, ещё не зная, куда именно попал.

— Мне прежде надо купить, — сказала Инна.

К концу ужина разговор переместился на веранду. Воздух пах сосновой корой и водой, хотя река отсюда почти не просматривалась. Инна осталась с Аллой у перил. Вадим пошёл к машине за тонкой курткой для неё: вечером стало прохладно. На полпути его догнала Майя.

— Не ожидала вас здесь, — сказала она.

— Я сам себя не ожидал.

Она засмеялась.

— Жена у вас яркая.

— Есть такое.

— Хорошая пара. Вы давно вместе?

Он посмотрел на освещённую веранду. Инна что-то объясняла, двигая ладонями, как будто расставляла в воздухе невидимые предметы.

— Двадцать семь лет прожили.

— Серьёзно. Сейчас редкость.

Вадим не поправил её. Майя кивнула на его пиджак:

— Вам идёт. Но кран вы всё-таки сегодня чинили?

Он понял, что Роза успела сказать.

— Позавчера.

— Вот. Значит, человек тот же. Это приятно.

Она ушла, оставив его возле машины с курткой в руках. Вадим чувствовал себя так, будто знакомая похвалила неудачно сделанную работу, ещё не заметив брака.

Вересов подошёл к Инне уже перед их отъездом. Вадим стоял рядом и слышал весь разговор.

— Могу показать вам пару расчётов, — сказал Аркадий. — По загрузке и мероприятиям. Я этот объект смотрел внимательно. Ничего не продаю, просто обменяемся мыслями.

— Даже если мы окажемся конкурентами?

— Иногда это лучшее начало партнёрства.

— А иногда конец знакомства.

— Тем интереснее.

Он протянул визитку. Инна взяла её не сразу: сперва убрала телефон в сумку. Вадим понял, что задержка намеренная, и впервые за вечер получил удовольствие от её умения.

— В понедельник? — спросил Вересов. — У меня как раз встреча в городе. После шести свободен.

— Напишите, — сказала Инна. — Сверим планы.

В машине они молчали, пока гостиница не скрылась за деревьями. Потом Вадим остановился на обочине, включил свет и повернулся к ней.

— Дай посмотреть.

На визитке были имя, телефон, адрес небольшого офиса. Никакого «основатель», «визионер» или «лидер». Человек, которому не требовалось объяснять, кем он себя считает.

— Он сам, — сказала Инна.

— Сам.

Вадим положил визитку на панель, поверх квитанции за заправку. Инна вдруг рассмеялась, зажала рот ладонью и всё равно не смогла остановиться. Он смотрел, потом тоже начал смеяться. Смех был нервным и слишком громким для неподвижной машины в тёмном лесу.

— Сверим планы, — повторил он. — Господи. У меня в понедельник морозильник на рынке.

— До шести успеешь?

— Если не капризный.

Она вытерла глаза. Вадим выключил свет, и в темноте оба почувствовали, как близко сидят.

— Не обольщайся, — сказала Инна тише. — Он пока просто любопытный.

— Я не обольщаюсь.

Он убрал визитку в бардачок, завёл машину и поехал в город. Только на первом светофоре понял, что всё это время улыбается.

Глава 6. Ужин без свидетелей

В понедельник Вадим приехал на сорок минут позже, чем обещал Инне, но на встречу они успели. Морозильник на рынке оказался капризным. Его хозяин считал, что можно годами забивать испаритель коробками, а потом просить мастера сделать всё быстро, потому что товар дорогой. Вадим закончил работу, переоделся в машине и только у ресторана обнаружил на манжете засохшую полоску герметика.

Инна достала влажную салфетку.

— Не ототрётся, — сказал он.

— Знаю. Будет хотя бы видно, что пытались.

Вересов выбрал ресторан в старом доме недалеко от набережной. Здесь не было золотых люстр и тяжёлых штор. Стены оставили кирпичными, столы стояли далеко друг от друга, а цены в меню печатались таким мелким шрифтом, будто их случайно забыли убрать. Инна любила такие места по работе: при хорошем обслуживании в них было удобно разговаривать. За собственные деньги она приходила сюда один раз, и тогда весь вечер следила, чтобы Соня не заказала слишком много.

Аркадий ждал их у стола. Рядом лежала тонкая папка, но он не открыл её, пока не принесли еду. Спросил про дорогу, похвалил платье Инны, заметил загар на Вадимовых руках. Вадим объяснил, что много работает на выездах. Не стал добавлять, что выше локтей руки белые.

— Вы сами продолжаете? — спросил Вересов. — При своей мастерской?

— Некоторые вещи быстрее сделать, чем объяснить.

— А потом некому передать дело.

— Это зависит от того, кому объяснять.

Аркадий одобрительно кивнул, будто услышал ответ на собеседовании. Вадим подался вперёд, но не продолжил. Инна заметила, как он расправил салфетку на коленях: так он делал, когда старался не спорить.

Инна начала разговор о гостинице сама. Она спросила о зимней загрузке, о дороге после снегопадов и о том, почему прежние попытки проводить деловые выходные не стали постоянными. Это она выяснила у Розы по телефону. Вересов отвечал охотно. Он действительно был в курсе. На некоторых вопросах задерживался, признавая, что надо уточнить. Такое признание звучало убедительнее готового ответа.

— Я не верю в гостиницу только ради номеров, — сказал он. — Здесь надо продавать причину приехать. Номер есть у всех.

— А причина?

— Круг людей. Доступ. Возможность познакомиться не в кабинете, где все пришли что-то получить.

— И заплатить за это заранее, — заметил Вадим.

— Конечно. Бесплатное знакомство обычно обходится дороже.

Аркадий раскрыл папку. Внутри было несколько листов с таблицами. Инна увидела реальные числа: вместимость, расходы на питание, персонал, сезонность. Не «прибыль двести процентов», не радуга над купюрами. Обычный расчёт, в котором почти каждую строку хотелось проверить.

— При полной загрузке у вас прачечная не справится, — сказала она.

— Отдадим наружу.

— Тогда расходы выше. И доставка.

— Зато капитальные вложения меньше.

Они спорили минут десять. Вадим несколько раз кашлянул. Инна слышала, но всё наклонялась над листами, придерживая страницу двумя пальцами. В расчёте забыли несколько важных строк, и ей хотелось их дописать. Вересов заметил её интерес. Он отодвинул папку к ней и замолчал, позволяя ей самой улучшать его расчёты.

— Вы готовы войти как оператор? — спросил он наконец.

Инна подняла голову.

— Мы рассматриваем покупку.

— Понимаю. Но зачем замораживать все деньги в стенах? Можно собрать структуру иначе. Часть ваша, часть партнёров, управление у вас. Вы же сильны именно в этом.

— Я ещё не говорила, в чём сильна.

— Уже показали.

Он сказал это без нажима. Инна почувствовала удовольствие и тут же испугалась его. Сычёв тоже когда-то дал Вадиму почувствовать себя человеком, чьё профессиональное мнение существенно. Теперь она видела, как легко это работает с ней.

— Роза хочет продать целиком, — сказала она. — И получить деньги, а не будущие обещания.

— Поэтому я и говорю о партнёрах. Вы на какой объём собственных средств ориентируетесь?

Вадим посмотрел на Инну. Она аккуратно положила лист на место.

— На достаточный, чтобы серьёзно разговаривать.

— Это хороший ответ на первой встрече. Сегодня у нас вторая.

Он улыбнулся. Инна улыбнулась в ответ, не чувствуя лёгкости.

— Мы имущество продали. Часть денег пока в расчётах. Не хотим покупать что попало, лишь бы скорее пристроить.

— Коммерческое?

— Разное.

Вересов подождал. Официант принёс горячее, и ожидание растянулось на несколько минут. Инна ждала нового вопроса. Вадим отодвинул бокал, словно освобождая себе место для ответа.

— Мастерскую я не продаю, — сказал он.

— Я не предлагал.

— Просто чтобы не было недоразумения. Мы не планируем прыгать в гостиницу с пустыми руками и сжигать всё, что есть.

Инна заметно расслабилась. Аркадий перевёл взгляд на него.

— Разумно. Мне нравятся люди с опорой.

Вадим взял вилку, попробовал мясо. Потом попросил хлеба и сам подтянул корзину. Инна с облегчением заметила этот простой жест: хотя бы есть можно без роли. Вересов тоже взял кусок из корзины, как будто этим подтвердил равенство между ними.

— Вы давно вместе работаете? — спросил он.

— Мы вместе живём давно, — сказала Инна. — Работа у каждого своя.

— Значит, умеете не мешать друг другу.

Вадим усмехнулся раньше, чем успел сдержаться.

Инна повернулась к нему.

— Что?

— Ничего.

— Скажи.

Она посмотрела на него предостерегающе. Он всё равно ответил.

— Умеем. Особенно когда один узнаёт о планах другого последним.

Вересов чуть отодвинул бокал. Не вмешивался. Инна поняла: теперь он слушает внимательнее, чем когда они говорили о деньгах.

— Если ты про работу, мы обсудим дома.

— Дома у нас в последнее время много чего обсуждается.

Инна почувствовала, как горят щёки. Он наконец спрашивал о том, чего не решался спросить наедине, — здесь, при Вересове.

— Вадим, — сказала она тихо. — Не сейчас.

— Конечно. Когда будет подходящее время, сообщу.

Вадим отвёл глаза. Вересов спокойно разрезал мясо. Чужая семейная ссора оказалась для него удобной паузой, в которой можно не быть деловым человеком.

Инна сложила салфетку.

— Извините. Я на минуту.

Она прошла к уборной, толкнула дверь и остановилась у раковины. В зеркале были зелёное платье, гладко убранные волосы и выражение, которое никакая одежда не делала дорогим. Она включила воду, подержала под струёй пальцы. Хотелось уйти. Не просто из ресторана — вообще из этой затеи, оставить Вадима с его обидой и Вересова с папкой. Уехать в Нижний раньше, чем они снова придумают способ потратить её жизнь сообща.

Дверь открылась. Вошла девушка, улыбнулась отражению, поправила помаду и ушла. У неё был свой вечер. Инна завидовала ей почти физически.

Она вернулась через четыре минуты. За столом мужчины обсуждали вентиляцию в старых зданиях. Вадим сидел выпрямившись, будто ждал замечания. Инна не посмотрела на него.

— Простите. Продолжим.

— Конечно, — сказал Вересов. — Я как раз предложил вашему мужу ещё раз спокойно посмотреть объект. С расчётами, без гостей. Провести день, переночевать. Утром гостиница выглядит иначе, чем на ужине.

— Роза согласна?

— Спросим. Я оплачу проживание как часть наших переговоров.

— Мы сами оплатим, — сказала Инна.

Вадим быстро кивнул.

Вересов не стал спорить. Собрал бумаги, одну таблицу оставил им.

— Подумайте. До решения ещё далеко. И сумму своих возможностей определите. Я не прошу банковских выписок за этим столом, но, если будем говорить о партнёрстве, без проверки не обойдётся. С обеих сторон, разумеется.

— Разумеется, — ответила Инна.

Он оплатил ужин. Они предложили разделить счёт, он отказался так, что повторять было бы уже неловко. На улице пожал обоим руки и задержал Иннину ладонь на секунду дольше.

— Берегите то, что у вас есть, — сказал он. — Хорошие партнёры редко бывают удобными.

Инна посмотрела ему прямо в лицо.

— Я запомню.

Он ушёл к машине. Вадим остался рядом, держа куртку. Инна взяла её сама.

— Не надо ничего говорить, — сказала она.

— Я должен.

— Нет. Ты уже поговорил.

Они дошли до парковки молча. Вадим открыл машину, но Инна не села. Стояла, глядя на его руки.

— У меня собеседование в другом городе, — сказала она. — В июле. Возможно, работа. Я ещё не решила.

— Почему не сказала?

— Потому что боялась вот этого лица.

Он отвернулся.

— Какого?

— Как будто я тебя уже бросила, хотя мы и так развелись.

Над парковкой гудел фонарь. Из ресторана вышла пара, мужчина смеялся, женщина поправляла ему воротник. Инна дождалась, пока они пройдут.

— Вадик, я могу любить твои руки. Могу уважать, как ты работаешь. Могу помнить, как ты носил Соню ночью по квартире, чтобы я поспала. И всё равно не хотеть жить той жизнью, которую мы прожили. У меня это помещается вместе. Я устала выбирать что-то одно, чтобы тебе было понятнее.

Он молчал. Потом тихо сказал:

— Мне непонятно.

— Знаю.

— Я думал, тебе со мной просто надоело.

— Иногда надоело. Но дело не только в этом.

Он прижал ключом кнопку, хотя машина уже была открыта. Фары моргнули.

— Извини за ужин.

Инна кивнула. Не обняла, не сказала, что всё нормально. Он не стал добиваться.

Всю дорогу они говорили о гостинице. Не потому, что договорились забыть ссору, а потому, что о другом сил пока не было. Вересов проверит деньги. Он не отдаст шесть миллионов только за то, что рядом появился возможный конкурент. Им надо понимать, чего он на самом деле добивается от Розы. Возможно, разговаривать следовало сразу о возврате и прекратить нелепую маскировку.

— Он бы тогда в ресторан нас не пригласил, — сказал Вадим.

— Может быть.

— Сегодня он хотя бы слушал.

— Сегодня он увидел, куда давить.

Вадим сжал руль.

— Да.

У её дома он остановился, не заезжая во двор. Инна взяла сумку и лист с расчётами.

— Позвони Розе, — сказала она. — Узнай насчёт среды. Я тоже позвоню, но про зал. И больше никаких разговоров с Сычёвым без меня.

Он слишком быстро ответил:

— Хорошо.

Она заметила, но не спросила. Сейчас ей хотелось подняться к себе и снять платье, в котором она весь вечер пыталась выглядеть женщиной с достаточным количеством денег и свободного времени.

* * *

Вадим проводил её взглядом. Потом достал телефон. В переписке с Сычёвым висело прочитанное сообщение, пришедшее во время ужина: «Могу встретиться завтра. Только без скандала. Есть вариант, но лучше поговорить один на один».

Вадим перечитал его три раза. Написал: «Где?»

Глава 7. Половина ответа

Сычёв назначил встречу в торговом центре, возле детской игровой комнаты. Вадим приехал на десять минут раньше и успел увидеть, как тот покупает себе кофе. Константин был в серой куртке, с маленьким рюкзаком через плечо. В январе он носил костюмы и выходил навстречу клиентам из кабинета с широким столом. Теперь из-за его спины раздавались крики детей, которые за деньги искали выход из лабиринта.

— Неудачное место, — сказал Вадим вместо приветствия.

— Здесь хотя бы никто не слышит.

Сычёв пожал ему руку. Ладонь была сухой и горячей. Вадим сел напротив, не заказав ничего. Ему хотелось показать, что он пришёл за результатом и не собирается продлевать чужой обед.

— Я понимаю, как это выглядит, — начал Константин.

— Не уверен.

— Понимаю. Вы считаете, что я исчез с вашими деньгами.

— Ты не исчез. С деньгами как раз проблема — они исчезли без тебя.

Сычёв смял бумажную обёртку от сахара.

— У компании были реальные сделки. Реальное оборудование, реальные поставки. Вы сами видели.

— Про шкаф я уже всё понял. Давай про деньги.

— Их выводили не в один день. Были расходы, займы между компаниями, расчёты. Я не распоряжался счетами.

— Зато хорошо распоряжался моим доверием.

Константин опустил глаза. Вадим ожидал оправданий, но тот неожиданно кивнул.

— Да. Здесь мне нечего сказать.

Ответ оказался неприятно человеческим. С ним было труднее продолжать разговор так, как Вадим репетировал по дороге.

На соседнем столе женщина расстилала салфетки перед двумя детьми. Один требовал мороженое, другой хотел обратно в лабиринт. Мать говорила им, что сейчас они поедят, спокойно и с той обречённой уверенностью, которая бывает у людей, знающих, что спокойно не получится.

— Ты написал: есть вариант, — напомнил Вадим.

— Есть люди, которые скупают требования к таким компаниям. С дисконтом. Вы получаете часть сразу, они дальше сами занимаются взысканием.

— Какую часть?

— Это обсуждается.

— Константин.

— По вашему отдельному займу могли бы дать около миллиона восьмисот. За три двести основного долга. Без процентов. Если получится договориться.

Вадим сидел неподвижно. Миллион восьмисот. Меньше, чем ему принадлежало, но больше, чем пустой счёт компании. Этой суммы хватило бы на первый взнос за небольшую квартиру, на несколько месяцев жизни, на возможность перестать подниматься спать по лестнице мастерской. Он успел представить всё это до того, как задал следующий вопрос.

— А Инне?

— Про Инну Сергеевну я не говорил. Вы же теперь каждый со своим требованием. Условия могут отличаться.

— Почему?

— Потому что покупателей не много. Я пытаюсь сначала решить хоть что-то.

Сычёв выпил кофе. Вадим смотрел на тонкую полоску пены на крышке и думал, что нельзя сейчас проявить слишком большой интерес. Он уже однажды был благодарен человеку, который обещал ему больше, чем остальные.

— Кто покупатель?

— Посредник. Я сведу.

— Имя есть у посредника?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.